

Ак

ТЕТРАДЬ

для Ларионова Анна Александров-
на

учени цы 11 класса

школы

регион: город Москва

рег. № 3621

54104

Время входа: 11:20
Время выхода: 11:22

"Свобода, равенство и братство" — мантра, пронесенная человечеством сквозь века. Бывшие революционными лозунгами, ведущими массы к свержению королей — тех, кто стесняет свободу, лишает людское сообщество равенства, — эти три слова прочно вошли в сознание человека общественного. Каждый из нас предполагает — и почти уверен, что предполагает правильно, — что из себя представляют и братство, и равенство, — но свобода? Что есть свобода? Вопрос, вызывающий недоумение, — казалось бы, наш разум имеет представление о такой философской (нравственной? социальной? экономической?) категории, но нужных слов для того, чтобы озвучить сформировавшееся в сознании определение, не находится. Ничего удивительного: "свобода" — одно из тех понятий, сущность которого до сих пор категорически и окончательно не определена, и многочисленные формулировки определения, подчас противоречивые и даже весьма сомнительные, толку подтверждение. Теоретики различных областей гуманитарных дисциплин — наук, предметом избравших человека и общество, — обращались и будут обращаться до момента, когда на Земле не останется ни одного ~~человека~~ представителя человеческого рода, к теме и проблеме свободы, её сущности, возможностей её существования.

54104

1

17

+ 7

24

Свобода - умозраительный идеал, „пустое“ слово, не имеющее соответствия в материальном мире, или же нечто настоящее, существующее, не наблюдаемое, как снегпад или дождь, но осязаемое всеми органами души, человеческого естества? В чем она, свобода, о которой мечтают, за которую сражаются, предают, готовы „продать душу“?

Авторы приведенных текстов говорят о многом — но преимущественно о свободе и ее аспектах. Все трое возводит ценность свободы в ранг высшей, непреодолимой и непреодолящей ценности. Все трое отрицают допустимость стеснения свободы, органически присущей индивиду: свободы жить в соответствии лишь с собственными выборами, ставить целью свою жизнь, только свою — и ничью больше. Первый рассуждает о независимости любого, полагающего за благо „существование на земле“, от форм сознания общественного — нравственности, морали; он, выбравший „мыслить и существовать“ по формуле Рене Декарта, сам ставит цели, выбирает средства, его единственная нравственность — жизнь как самоцель, своя, только своя и ничья другая жизнь. Второй — сторонник анархизма, учения, в наиболее обобщенном смысле опре-

деятельное как отрицающее необходимость государства как политического института, чьи негативные функции преобладают над позитивными, а потому достойного лишь уничтожения, — критикует государство как основной инструмент подчинения „ненападающего индивида внешней воле“, одним словом, как способа лишить человека главного — свободы. Он называет „величайшую индивидуальную свободу“ „необходимым условием долговечной и гармоничной общественной организации“ — а равенство свободы — важнейшим принципом жизни. Третий же — риску предположить, что Дж. Ст. Милль в своей работе „О свободе“ — говорит о недопустимости вмешательства правительства (государства) в частную и экономическую жизнь общества, потому как свободный выбор средств и целей в условиях ~~рав~~ неравных возможностей есть логическая основа всей системы общественной жизни.

Но в чем же граница свободы и эгоистического произвола? Является ли свобода сама по себе, не стесненная никакими рамками, кроме собственно индивидуального разума, ценной и гуманной? Нужна ли такая свобода?

„Moto homini lupus est“ — писал П. Гоббс в

труде „Левиафан“: человек человеку волк, в догосудар-
ственной состоянии индивиды пребывают в состоянии
„войны всех против всех“ как существа ^{ные} политические,
личны, чьи потребности обусловлены инстинктами,
„бессознательными“, — так почему „никто из нас“ не
стал бы переступать „границ чужой индивидуальности,
если бы не было государства, аппарата принуждения?
Упомянувший Александра Романова, автор второго
абсолютной текста не просто был свидетелем, а тем в условиях
монархии — авторитарного режима, характеризующе-
гося притеснением (присутствием в неполной степени)
свободы. Период правления Александра III в Россий-
ской Империи — с 1881 по 1894 годы — действи-
тельно характеризовался ужесточением режима, усилением
налогового гнета и полицейского надзора — но такой
государственный режим не всеобъемлющее право
и условие существования государства. Оно — в идеаль-
ном варианте — направлено на обеспечение достойно-
го уровня жизни граждан, но никак не на угнете-
ние, порабощение, „управление“ личными вкусами
индивида. Отклонение от нормы — не то основание
для суждений, которое следовало бы избирать, тем
более что категория политического режима зна-

чительно уже категории государства. Аристотель считал человека вне государства или недоразвитым существом, или сверхчеловеком; несомненно, со времен античности - как и со времен Александра Романова - взгляды мыслителей претерпели качественные изменения - но, в сущности, что делал бы человек, устранив государство как факт? Скорее всего, на месте государства возникла бы другая организация, выполнявшая бы сходные функции, - тогда в чем смысл устранения? Анархия как торжество безусловной свободы? Разве свобода равносильна произволу? Человек, „свободный от всех цепей“, превратится в животное, живущее инстинктами - они заложены в нас, как в любом животном организме; он не сможет совладать с эгоистическими стремлениями и желаниями. Неправильным, кажется, было бы предполагать, что если сейчас, в данную секунду, государство исчезнет, то мы обретем свободу - полную и абсолютную, а затем возрадить вышеуказанному постулату о „животной сущности“ „свободного человека“: мы, выросшие и сформировавшиеся в обществе, имеем внутри „нравственный закон“. Априори ли заложен он в нас, усваивается ли в процессе социализации, - вопрос спорный, но очевидно разница между детьми - Маули и Робинзоном Крузо: первые вы-

росли вне людского сообщества и наполняют человека лишь по внешним, пусть и несколько деформированным, признакам, второй - успевший стать членом социального мира - остался на острове один на один с собой, но не утратил того, что именовано именуется "человеческим лицом". Почему? А именно и исключительно потому, что он знает разницу между миром с людьми и островом вне людей, он уже усвоил 'мораль' - и не потому, что она была насильственно навязана, вбита в голову тяжелым молотком церкви, социальной группы, государства, а потому, что сосуществование человека с человеком в рамках цивилизационного общества всегда сопряжено с немалыми нормами и правилами, сформировавшимися за тысячелетия существования homo sapiens, потому, что мораль действительно есть "продукт общественных отношений", она не синонимична инстинкту самосохранения, который сам по себе провозглашает жизнь ценной и достойной борьбы.

Кто - Робинзон или Мауим - свободен в большей степени? Руководствуясь позицией автора первого текста, приходится выбирать Мауим: он существует ради самого себя, ставит удовлетворение

возникающих потребностей „высшей целью жизни“ — но только возникает вопрос: жизни ли? Мы-лиже более и человек ли такое существо? Робинзон Крузо свободен в меньшей степени — да и нужна ли ТАКАЯ свобода? Человек по самой своей сути не свободен как минимум от одной вещи — он не свободен от желания быть с себе подобными. Он стремится к единству с человеком, жизнь которого — именно жизнь, а не инстинктивное существование — действительно являет собой высшую ценность, и именно во имя этой ценности каждый из нас стесняет индивидуальную свободу — во имя жизни других. Сёрен Кьеркегор — предвестник экзистенциализма — выделил три этапа бытия человека, переход на каждый из которых происходит через „отказание“, — и этап гедонистический, когда жизнь человека строится в соответствии с личными желаниями и имеет целью лишь „индивидуальное счастье“, — низший из этапов, тогда как этический и религиозный — соответственно средний и высший — сопряжены с долгом, нравственностью и Богом — воплощением совершенной морали. Мы живем ради друг друга — вот он, „золотой закон“ общения, следование которому обеспечивает мир и согласие, именно человек, а не

эврейская свобода, важнейшая ценность бытия, и если ^{твоя} свобода исключает другого человека — зачем она нужна? Дети, оказавшиеся на острове после кораблекрушения в антиутопии У.Голдинга „Повелитель мух“, были, казалось бы, свободными, — но к чему привела эта свобода? К непоправимой трагедии смерти, которую не оправдать ни свободой, ни чем-либо другим.

Экономическая свобода, не ограниченная ничем, кажется, показала свою несостоятельность: классический либерализм на определенном этапе человеческой истории изжил себя, трансформировался в неолиберализм, допускающий вмешательство государства в экономику хотя бы для сокращения разрыва в доходах богатых и бедных, социальной помощи тем, кто остался за гранью — за чертой бедности, — и это, по сути, тоже акт взаимопомощи, акт спасения человека человеком, как бы „романтично“ и абстрактно такая формулировка не звучала.

Вспоминается легенда о Ларре и Данко — известные каждому образованному человеку по ~~известному~~ рассказу Максима Горького „Старуха Изергиль“, в котором ценность свободы осмысливается

на философском уровне: Ларра - сын орла и земной женщины, воплощенный эпизод - был „приговорен к свободе“, которая - поразительная игра слов? - стала его ~~тюрмой~~ тюрмой: отчужденный от людей, абсолютно свободный, разве был он счастлив? А Данко, вырвавшийся из груди горящего сердца, чтобы спасти соплеменников, - разве был он рабом или же все-таки реализовал свою свободу - свободу выбора между жизнью для себя или смертью во имя других?

Жизнь - это сплошная череда выборов. И, что удивительно, наша жизнь - тоже чей-то выбор. Свобода, которую воспеваем на протяжении веков, есть выбор среди множества альтернатив, среди которых нельзя выделить хорошие или плохие - это ^{зависит от} субъективной оценки каждого. Но абсолютная свобода - от общественной морали, от государственного принуждения, экономической - не есть самоцель и высшая ценность. Главное - быть человеком и сам человек, его жизнь - и если моя свобода будет ~~стоить~~ стоить чьей-то жизни, то такая свобода не может быть ценна и дорога. Абсолютная свобода достигнута лишь в одном случае: когда мы стоим на краю бездонной пропасти, и в нашей власти - ^{свобода смерти.} - делать или не делать шаг. ^{Каждая социальная}

наука - наука, но в сущности, о жизни, а не о смерти, а, значит, если синонимом свободы одного в долгосрочной перспективе есть смерть другого, то подобная свобода оказывается ничтожной в сравнении с главнейшим - самой жизнью.

10	6	16.6
10	7	17